

«ЕГО ПРИВЛЕКЛИ К ПРЕПОДАВАНИЮ, И ЭТО СПАСЛО СТАРИКА ОТ ГОЛОДНОЙ СМЕРТИ»

I

Дорогие читатели!

Вы держите в руках новую книгу из серии «Классика российской цивилистики», которая на этот раз содержит работы замечательного русского цивилиста Ивана Николаевича Трепицына.

Иван Николаевич не очень известен современным российским юристам, по крайней мере его имя – в отличие от имен Г.Ф. Шершеневича, К.П. Победоносцева, И.А. Покровского или С.А. Муромцева – не так на слуху. Но специалистам, интересующимся вещным правом, имя И.Н. Трепицына должно быть известно. Я искренне надеюсь, что предлагаемое читателям издание будет способствовать популяризации незаслуженно забытого ученого и его наследия.

Эта книга – двухтомник, объединивший в одном издании две основные работы Ивана Николаевича, которые, собственно, и составляют его главное научное наследие. Разумеется, перу И.Н. Трепицына принадлежат и другие работы (пожалуй, самая значительная из них – «Гражданское право губерний Царства Польского и русское в связи с Проектом гражданского уложения: Общая часть обязательственного права», изданная в Варшаве в 1914 г.), но мы вместе с издательством «Статут» стремились к тому, чтобы у настоящего издания была одна цельная идея. И, как мне кажется, мы этого достигли – обе переиздаваемые работы проф. Трепицына посвящены вещному праву, или даже точнее – основаниям возникновения права собственности на движимые вещи.

Первая работа, включенная в сборник, — «Переход права собственности на движимые имущества посредством передачи и соглашения», изданная в Одессе в 1903 г. Эта работа представляет собой магистерскую диссертацию И.Н. Трепицына, защищенную им в этом же году в Императорском Казанском университете.

Вторая работа — «Приобретение движимостей в собственность от лиц, не имеющих права на их отчуждение», изданная в Варшаве в 1907 г. Эта книга — докторская диссертация Ивана Николаевича, которую он защитил в Императорском Варшавском университете годом позже.

Почему я считаю переиздание именно этих двух книг проф. Трепицына важным и значимым для нашего правоведения?

Во-первых, эти работы несомненно относятся к золотому фонду русской юридической литературы. Они сами по себе значительны — как по темам исследования, выбранным автором, так и по качеству юридического анализа. Собственно, что первый, что второй труд представляют собой образцовое юридическое исследование. Это и глубокое обращение к истории вопроса, и отличное знание сравнительного материала, и умелый анализ догмы частного права, и правнополитические рассуждения, основанные на анализе этических, психологических, экономических и прочих сторон человеческого общежития.

Во-вторых, чтение именно таких работ является, на мой взгляд, самым лучшим способом изучения частного права. Только изучение больших и сложных книг позволяет изучающему частное право лучше погрузиться в материал. Размышлять над прочитанным, критически обдумывать идеи автора и проч. Во всяком случае это много лучше, чем просто читать блоги известных юристов, слушать лекции на *YouTube* или быть подписанным на популярные телеграм-каналы. Восприятие частного права через контент такого рода неизбежно сталкивается с тем, что обучающийся оказывается под влиянием личности обучающего. Это в свою очередь может сильно повлиять на критичность восприятия материала. Чтение книг такого недостатка очевидно лишено.

В-третьих, эти работы посвящены классическим цивилистическим проблемам и поэтому актуальны и сегодня. Например, я не рискну сказать, что в обсуждениях момента перехода права

собственности на движимые вещи (или уж тем более — на недвижимость!) российская юридическая наука поставила точку. И тем более невозможно сказать это в отношении доктрины приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя. Кажется, мы только-только отвыкли от мысли, что по действующему праву отказ в виндикационном иске связан не просто с добросовестностью приобретателя, а с тем, что добросовестный приобретатель приобрел право собственности на спорную вещь. Я убежден, что эта идея проникла бы в умы современных российских юристов намного быстрее, если бы у нас на юридических факультетах была бы распространена традиция изучения не законов, а права. А именно для того, чтобы изучить право, и требуется чтение классической юридической литературы.

II

К большому сожалению, мы не так много знаем о жизненном пути Ивана Николаевича Трепицына. Из всего, что я смог найти о нем, можно сделать один — и, увы, очень грустный — вывод: его судьба — это классическая и, как правило, незавидная судьба русского интеллигента, который посвятил себя изучению «искусства добра и справедливости» на рубеже XIX и XX вв. и оказался ненужным Родине после революции 1917 г. Блестящий старт, идущая вверх академическая карьера, изломанная судьба, иногда — эмиграция, а иногда — и незавидная смерть. Кажется, что именно это можно сказать и об И.А. Покровском, и о Л.И. Петражицком, и о В.А. Рязановском, и об И.М. Тютрюмове. Но особенно верным будет это утверждение в отношении И.Н. Трепицына.

Иван Николаевич родился в 1868 г., четыре года спустя Великих судебных реформ. То есть он не был свидетелем радикального социального слома, случившегося в Российской империи и самим своим фактом в течение нескольких десятилетий влиявшего на умы и мироощущение русских юристов, он — представитель следующего, послереформенного поколения отечественных правоведов.

Это, кстати, можно заметить и по стилистике работ И.Н. Трепицына. Если тексты «старшего» поколения российских цивилистов (Д.И. Мейера, К.П. Победоносцева, К.Д. Кавелина, С.А. Муромце-

ва, Л.Н. Дювернуа) отличаются пусть и не всегда заметным стремлением обращаться к социальной подоплеке права, то «младшее» поколение русских цивилистов (сюда можно причислить, например, И.М. Тютрюмова, А.Л. Фрейтага-Лоринговена, Е.В. Васьковского, В.И. Синайского) уже занимает скорее догматическую, в некотором смысле — «техническую», позицию. Для них частное право — это уже работающая социальная механика, которая просто нуждается в более точной настройке¹.

Иван Николаевич поступает и оканчивает в 1892 г. юридический факультет Императорского университета святого Владимира в Киеве. Это один из лучших юридических факультетов Империи, на котором в то время преподавали блестящие ученые и педагоги — М.Ф. Владимирский-Буданов, Н.К. Ренненкамф, Л.Н. Казанцев.

Кстати, именно этот факультет примерно в то же время оканчивает и еще один наш замечательный цивилист, которого, я хочу надеяться, отечественная читающая публика очень хорошо знает, — Иосиф Алексеевич Покровский (он выпустился из университета в 1890 г., двумя годами ранее). Кроме того, в этом же году юридический факультет Киевского университета оканчивает Л.И. Петражицкий — ученый-правовед с мировым именем.

После окончания университета Ивана Николаевича ждет академическая карьера. Сначала (с 1898 г.) он занимает должность приват-доцента в Императорском Новороссийском университете (г. Одесса). Затем в 1902 г. Иван Николаевич переезжает в Варшаву и занимает должность доцента в Императорском Варшавском университете. Далее следует защита магистерской диссертации (1903 г.), защита проходила, как я уже упоминал выше, в Казанском университете. Перед нами — типичный пример академической мобильности, столь характерной для дореволюционной России (и, кстати, для современной Европы) и так мало известной современному российскому академическому миру. Правда, не очень

---

¹ Мне кажется, что я могу провести определенную параллель с современной цивилистикой. Работы и выступления, например, В.Ф. Яковлева или А.Л. Маковского (т.е. юристов, заставших времена «до реформы и после нее») всегда были наполнены социальным контекстом. А то, что делает «младшее поколение» наших цивилистов — к которому я отношу и себя, — это уже работа с готовым материалом, «тонкая настройка» созданного отцами-основателями цивилистического инструментария.

понятно в случае Ивана Николаевича эта мобильность была добровольной или вынужденной.

Так или иначе дальнейшая судьба И.Н. Трепицына на протяжении более чем десяти лет уже связана с Императорским Варшавским университетом. В эти годы юридический факультет Варшавского университета, без преувеличения, обрел «звездный состав» — здесь преподают Ф.Ф. Зигель, Ф.И. Леонтович, Ф.К. Горб-Ромашкевич, Д.Я. Самоквасов, Д.И. Азаревич, В.В. Есипов, Ф.В. Тарановский, М.А. Рейснер.

Именно здесь Иван Николаевич защищает докторскую диссертацию (1908 г.). Он растет и по административной лестнице — секретарь Совета юридического факультета (с 1907 г.), затем — декан факультета (с 1910 г.; ему при этом всего 42 года, т.е. совсем «юный» по академическим меркам возраст). В 1913 г. И.Н. Трепицын становится ректором Варшавского университета, правда, ненадолго — всего на год.

Неспокойный военный 1915 год. В связи с военной угрозой Варшавский университет эвакуируют в Москву, а после недолгого пребывания в Первопрестольной — в Ростов-на-Дону¹.

Профессор И.Н. Трепицын тоже оставляет Варшаву и перебирается в Петроград. В столице он продолжает академическую карьеру, занимая должность экстраординарного профессора кафедры римского права. При этом профессора этой кафедры — «тяжеловесы», звезды «первой величины»: В.Ф. фон Зелер и С.П. Никонов. Кафедру за год до этого сотрясали скандалы — например, патриотично настроенные студенты выражали крайнее недовольство тем, что курс догмы римского права им читает «немец» фон Зелер, дело даже дошло до студенческих волнений, а занимавший кафедру проф. И.А. Базанов (между прочим, крайне правых взглядов) был перемещен в Казань на должность попечителя Казанского учебного округа.

Однако, видимо, на таком фоне даже не достигший 50-летия Иван Николаевич не потерялся, хотя лекции в первый год своей работы не читал (курс догмы римского права поделили между собой проф. Никонов и фон Зелер), — в 1915 г. он возглавлял испыта-

---

¹ Примечательно, что нынешний Южный федеральный университет является фактически правопреемником Императорского Варшавского университета.

тельную комиссию Петроградского университета, принимавшую экзамены у абитуриентов.

Любопытно, что в этом же году Иван Николаевич пробует себя на государственной службе, поступая на работу в Юридическую консультацию при Министерстве юстиции. Основная задача этого органа заключалась в рассмотрении наиболее сложных вопросов материального и процессуального права. Консультация представляла собой что-то наподобие совета министерства, в нее входили министр, его заместитель (товарищ министра), директора департаментов министерства, обер-прокуроры департаментов Правительствующего Сената, а также специальные юрисконсульты. В консультацию поступали самые сложные правовые вопросы, с которыми столкнулась судебная система и которые требовали внесения изменений в законы. Несомненно, что именно в этой сфере практической (если так ее можно назвать) юриспруденции глубокие познания в области частного права могли быть наиболее востребованы. Не адвокатура, не судейская должность, а именно законотворческая работа!

Обе эти карьерные нити — и академическая, и служебная И.Н. Трепицына обрываются в трагическом для нашей страны 1917 г. Точнее, академическая линия резко изменяется — в связи с «ненужностью частного права» Иван Николаевич перестает быть профессором кафедры римского права Петроградского университета и занимает должность профессора кафедры истории права юридического факультета. А в связи с «ненужностью права вообще» он становится с 1919 г. профессором «факультета общественных наук». Продержался он на факультете до 1923 г.

Опять же, к сожалению, я не смог найти никаких свидетельств о политических взглядах И.Н. Трепицына. Видимо, он не был монархистом, иначе не прослужил бы в университете целых шесть лет после революции. Но, видимо, не был он и сторонником партии большевиков, так как в итоге он должности в университете лишился и был выслан из Ленинграда в Среднюю Азию.

Вот как пишет об этом Ю.К. Толстой: «Известный цивилист И.Н. Трепицын был выслан в Среднюю Азию и буквально умирал от голода. Правда, этому ученому повезло. Было принято решение организовать в Ташкенте юридический институт. Организацию института поручили Б.В. Шейндлину, в то время прокурору Узбекской

СССР. Впоследствии Шейндлин мне рассказывал, что он сразу же столкнулся с тем, где взять кадры. И тут вспомнили о высланных ученых, в том числе и о Трепицыне. Его привлекли к преподаванию, и это спасло старика от голодной смерти. Умер он в Ташкенте либо во время войны, либо вскоре по ее окончании»¹.

Не больше десяти строк о двадцати годах жизни. Но какая человеческая трагедия за ними! Блестящий специалист в области права, стремившийся служить своей Родине, оказался при новой власти врагом и был сослан на задворки страны влачить жалкое существование и умирать от голода. Но волей случая был спасен от смерти тем, что его услуги снова потребовались государству, которое так жестоко с ним обошлось. Какая ирония судьбы – вынужденно принять ломоть хлеба от того, кто сначала отобрал и счастье, и карьеру, и Родину!

И совершенно обескураживающий финал жизни: умер «либо во время войны, либо вскоре по ее окончании». Мы даже не знаем ни даты смерти выдающегося ученого, ни места, где он похоронен. Иван Николаевич – это еще одна невинная жертва злой советской эпохи, которая остановила блестящее развитие нашей юриспруденции и отбросила ее на десятилетия назад. Горькие последствия этого советского «неправа» мы сейчас и пожинаем...

III

Теперь буквально несколько слов о проблематике, которая обсуждается в работах проф. Трепицына, представленных в этом сборнике.

Первая работа посвящена проблеме перехода права собственности на движимые вещи. Как известно, есть две противоборствующие модели перехода права собственности: это (основанная на римских источниках) модель перехода права на вещь путем передачи владения ею (система *traditio*, или германская система) и модель перехода права собственности путем соглашения (*solo consensu*).

В чем различие между ними? В первой модели для того, чтобы приобретатель вещи стал ее собственником, помимо юридического

---

¹ Толстой Ю.К. Из пережитого. 7-е изд., доп. М., 2017. С. 176.

основания (каузы) приобретения требуется физическая передача владения вещью. Именно передача владения является моментом, в который отчуждатель вещи перестает быть ее собственником, а приобретатель становится обладателем права на нее.

Это правило можно сформулировать и так: договор купли-продажи сам по себе не переносит собственность, он создает лишь обязательство продавца передать вещь покупателю и обязанность последнего принять и оплатить ее.

Германская догматическая юриспруденция довольно творчески обработала это решение: акт передачи получил характеристику не просто действия по исполнению договора, а самостоятельного волеизъявления, направленного на порождение правовых последствий. Так зародилось учение о распорядительной сделке (или в данном случае – вещном договоре).

Однако немецкие ученые не остановились на этом и пошли еще дальше: они «разорвали» юридическую связь между каузой (основанием) передачи владения (проще говоря – договором, во исполнение которого отчуждатель совершает передачу вещи) и переходом права собственности, создав учение об абстрактной распорядительной сделке. Иными словами, если договор купли-продажи недействителен по каким-то основаниям, но волеизъявление продавца относительно передачи владения вещью этим пороком не затронуто, то собственность перейдет к покупателю, несмотря на недействительность основания передачи. Разумеется, это не означает, что продавец не сможет потребовать возвращения вещи. Сможет, но это будет не иск о возврате вещи *продавца* из владения покупателя (как было бы в системе каузальной традиции), а иск о возврате вещи *из собственности покупателя* обратно в собственность продавца, так как эта собственность была приобретена покупателем неосновательно.

Для чего нужны такие непростые интеллектуальные упражнения? Для того, чтобы дать защиту третьим лицам, которые, полагаясь на владение покупателя, вступят в ним в сделку. Легко заметить, что при немецкой системе абстрактной традиции такой последующий покупатель приобретет собственность от своего контрагента (первого покупателя – стороны недействительной сделки). В системе каузальной традиции (как, например, по нашему

Гражданскому кодексу) первый покупатель в случае недействительности купли-продажи ни при каких условиях собственником рассматриваться не может, он будет — по отношению к последующему покупателю — неуправомоченным отчуждателем.

Вторая система — система консенсуса считается стилистической особенностью французского права. Собственно, она была разработана обычным правом отдельных французских городов путем упрощенного применения римских правил о *traditio*. В результате фактически фиктивных соглашений о том, что в момент заключения договора вместо передачи владения недвижимостью продавец и покупатель договариваются на какое-то время оставить вещь во владении продавца (*constitutum possessorium*), покупатели стали рассматриваться приобретающими право собственности в самый момент заключения договора купли-продажи. Чуть позднее эта практика получила и философское обоснование в учениях юристов — представителей школы естественного права: самое главное творческое начало в праве — это человеческая воля. Если воля продавца выражена, то чего же следует еще желать для того, чтобы рассматривать покупателя как собственника?

Практические различия между двумя системами довольно серьезные. Например, первая система (немецкая) исходит из того, что распоряжение вещью (т.е. изменение ее юридической судьбы) осуществляется в момент ее передачи. Вторая (французская модель) — из того, что такое распоряжение происходит в момент заключения договора. Следовательно, в первой модели для того, чтобы заключить договор купли-продажи, продавцу собственность не нужна, он должен быть собственником вещи в момент ее передачи покупателю. А во второй — необходима, иначе окажется, что продавец распоряжается тем, что ему не принадлежит! Поэтому, например, в первой модели возможен договор купли-продажи вещи, принадлежащей в момент заключения договора другому лицу либо вообще не существующей. А во второй — нет. Цели связать одно лицо обязательством передать вещь другому лицу в будущем служит предварительный договор.

Борьба двух моделей — немецкой и французской в европейском праве длится уже пару столетий. Гренадеры Наполеона принесли *Code Civil* и консенсуальную систему на своих штыках в покоренные

ими страны, которые образуют сейчас так называемую романскую правовую семью.

Но и сила интеллекта «мрачного германского гения» оказалась тоже весьма привлекательной! Значительное число юрисдикций следует «принципу разъединения»: договор купли-продажи порождает лишь обязательство, а собственность переносится отдельным актом продавца и покупателя.

Именно поэтому страны на «юридической карте мира» могут быть маркированы либо как страны с «французской куплей-продажей», либо как страны с «немецкой куплей-продажей». Эти две концепции продолжают бороться между собой как в работах ученых, так и в законодательной деятельности. Например, насколько я знаю, безуспешность попыток создания общего европейского ГК обычно связывается европейскими учеными с принципиальной невозможностью примирить две обсуждаемые модели.

Разумеется, Россия как часть европейской правовой традиции не избежала этого дискурса. Если Российская империя и ранний советский ГК (1922 г.) приняли «французскую куплю», то поздний ГК РСФСР (1964 г.) и действующий Кодекс основываются на немецкой модели. Почему так произошло — это предмет отдельного и очень интересного разговора...¹

Какая из этих моделей лучше для современного экономического оборота? Какая способна генерировать более справедливые решения? Какая в большей степени отвечает воззрениям людей? Именно об этом и рассуждает И.Н. Трепицын в книге «Приобретение права собственности на движимые имущества посредством передачи и соглашения».

IV

Вторая работа посвящена приобретению права собственности от неуправомоченного отчуждателя. Этот институт — одна из самых

---

¹ Интересующимся проблемой могу порекомендовать работу Е.А. Флейшиц, написанную в период перехода от «французской купли» к «немецкой»: *Флейшиц Е.А.* Момент перехода права собственности по договору купли-продажи в гражданском праве крупнейших иностранных государств и СССР // Ученые труды / Всесоюз. Ин-т юрид. наук Мин-ва юстиции СССР. Вып. IX. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1947. С. 327–346.

интересных частноправовых загадок современности. Как может быть так, что, вступая в сделку с несобственником, приобретатель тем не менее приобретает право собственности на вещь? Ведь принцип *nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse haberet*, безусловно сформулированный Ульпианом, основан не просто на рассуждениях, а на строгой формальной логике: если отчуждатель не обладает правом, как он может наделить этим правом приобретателя?

Разумеется, ответ с точки зрения формального, строгого права может быть только один: никак. Поэтому тот, кто приобрел вещь у несобственника, сам в свою очередь собственником не станет, а потому и обязан выдать вещь ее настоящему собственнику. Что остается незадачливому приобретателю? Лишь иск из договора, заключенного им с неуправомоченным отчуждателем, т.е. иск о возмещении причиненных убытков. Однако эта перспектива может быть не самой радужной в случае, если местонахождение продавца более неизвестно, он разорился и проч. В этом случае, разумеется, покупатель заинтересован в том, чтобы получить защиту не по линии обязательственного права, а по линии права вещного — т.е. сохранить вещь.

И тут на сцену выступает институт защиты добросовестного приобретателя. Он начал складываться в древнем праве германских племен как принцип *Hand muss Hand wahren*, означающий, что каждый собственник, добровольную вручающий свою вещь другому лицу, должен нести риск того, что тот ее продаст, выдав себя за собственника. И если покупатель не знает о том, что продавец в действительности собственником не являлся, то собственник забрать вещь уже не может.

Собственно, это первая, самая простая организация защиты оборота: просто отказать в виндикационном иске собственнику в связи с добросовестностью покупателя. Однако тут же возникают дополнительные вопросы. Например, должен ли приобретатель быть возмездным, т.е. уже уплатившим цену вещи? Следует ли обращать внимание на то, как выбыла вещь из владения собственника? Как купил вещь приобретатель — на публичных торгах, ярмарке и проч.?

Все эти элементы состава, позволяющего отказать собственнику в виндикационном иске, требуют особого внимания и изучения.

Только тонкая балансировка этих настроек позволяет найти справедливое разрешение конфликтов в треугольнике «собственник – неуправомоченный отчуждатель – добросовестный приобретатель».

Однако что делать дальше приобретателю, выигравшему виндикационный спор? Просто пребывать в счастливом состоянии победителя в судебном процессе? Но это же само по себе не отменит принцип *nemo plus iuris*, поэтому надо искать какое-то более тонкое решение. Например, признать, что добросовестный приобретатель все-таки... приобретает право собственности на вещь вследствие одновременного действия нескольких элементов сложного юридического состава. Но такое приобретение права будет, разумеется, не производным (потому что отчуждатель – не собственник и потому наделить покупателя собственностью не мог, а подлинный собственник никаких актов распоряжения в адрес покупателя не совершал). Тогда остается только одно решение – признать такое добросовестное приобретение... первоначальным способом приобретения права собственности.

Так образуется вторая (и содержательно более интересная) возможная линия защиты добросовестного приобретателя – не просто путем отказа в виндикационном иске собственнику вещи, а признание его – приобретателя приобретшим право на вещь. И именно поэтому собственник проигрывает виндикацию – потому что он более собственником не является!

Я наметил лишь самые общие контуры этого интереснейшего института. А теперь слово профессору Ивану Николаевичу Трепицыну, блестящему русскому ученому-юристу, чьим наследием мы по праву можем гордиться.

Р.С. Бевзенко